

Максим Черников

Иннокентий Палыч

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Черников
Иннокентий Пальч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55595273

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказ о том, как Алеша встретил сирену на Патриарших.
Содержит нецензурную брань.

Максим Черников

Иннокентий Палыч

Алеша жил на Патриарших и ходил в школу в квартале от дома. Был таким хорошим-прехорошим, что даже строгая бабушка Анастасия Сергеевна, видный в прошлом партработник, благодаря которой семья давно жила в четырехкомнатной квартире в обкомовском доме, не могла к нему ни по какому поводу придраться. Только говорила, слыша, как хвалят Алешу мама и папа:

– Ну хватит вам, знайте меру, не перехвалите!

Однажды Алеша, сам не зная почему, не пошел после школы домой, а пришел на Патриарший пруд и стал сидеть на скамейке. Затем, не отдавая себе в этом отчета, вдруг снял свои красивые лакированные туфли, которые бабушка привезла ему из Польши, когда ездила туда с делегацией, и носки тоже, и побежал босиком к воде.

– Мальчик, ты зачем так? Там же грязно! Кошки гадят, оборванцы всякие плюют, а ты собрался ноги там мочить! Ты бы лучше мне помог, – сказал ему приветливым голосом мужчина средних лет, стоявший наверху, у скамейки, где Алеша только что сидел. Одет он был не ахти как – не лучше, в сущности, тех оборванцев, которых упоминал. Все на нем было какое-то потертое и несвежее, вдобавок рука

забинтована, и от бинта сильно пахло больницей; волосы седыми космами свисали с очень крупной головы. Ни дать ни взять, головастик, подумал Алеша. В его не забинтованной руке была большая тяжелая черная сумка. Мужчина еще раз призывно блеснул очками, и этот их блеск словно заворожил Алешу. Мальчик стал карабкаться по склону наверх, но подняться оказалось не так просто, как спуститься с него.

– Дай руку, я тебе помогу! – сказал незнакомец, поставил на землю сумку и протянул ему свою огромную мохнатую ладонь.

– Вот так. Видишь, легче ведь, когда помогают. Вот и ты мне сейчас сможешь! А туфли-то что, забыл? А ну-ка надевай! Без них, что ли, идти собрался? – весело и добродушно крикнул ему мужчина. Алеша, словно во сне, повиновался, подошел к туфлям, надел их, взял ранец и пошел к мужчине.

– Меня Иннокентий Палыч зовут, врач я. На пенсию недавно спровадили... А вот, сын, скотина, не помогает, приходится после операции все на себе таскать. Только и ждет, что подохну, и тогда квартиру будет себе оттяпывать... Ну, я ему сюрприз на этот счет уже приготовил! – недобро усмехнулся новый знакомый Алеша. Потом, словно по мановению волшебной палочки, сменил резкий тон на миролюбивое курлыканье, и его голос вдруг стал переливаться и приятно булькать, клоня в какой-то странный сон.

– Вот, на, помоги-ка мне дотащить до дому, – он протянул Алеше свою тяжелую авоську, груженную тремя бутылками

водки, буханкой черного и батоном белого хлеба, куском сыра в коричневой бумаге и двумя палками вареной колбасы в такой же, как сыр, обертке.

– Хоть в этом повезло, – сказал Иннокентий Палыч, показывая на авоську, которую безропотно тащил Алеша.

– Вон, гляди, все местные ханыги пронюхали, что водяру привезли, еще пять минут, и будет здесь Сталинградская битва. А я уже отстрелялся, – удовлетворенно курлыкнул он. И правда, у продмага на углу уже выстроилась очередь из любителей «Столичной». И вдруг...

– Алеша! – резкий крик на всю улицу. Властный и суровый голос бабушки, Анастасии Сергеевны.

– Это что еще такое? Да как вам не стыдно так ребенка нагружать? Он надорвался весь – нести вашу сумку тяжеленную!

Анастасия Сергеевна подошла и бесцеремонно, по-партийному заглянула в нее.

– Ну, так я и думала: водка! И не стыдно? Алеша, отдай дяде сумку, и пошли сейчас же домой, – еще более властно продиктовала ему бабушка. Алеша, очнувшись от сна наяву, в который он погрузился, так же автоматически, как и брал минуту назад, передал авоську Иннокентию Палычу и поплелся за Анастасией Сергеевной. Тот же только усмехнулся, пробормотал:

– Вот же черт тебя вынес, карга старая!

И, кряхтя, потащил авоську с частыми передышками, на-

певая что-то веселое, словно только что встретил прекрасную девушку, а не старуху, которая его обругала.

Той ночью Алеша видел во сне, как бабушка сражается за него с Иннокентием Палычем, причем в самом неожиданном обличье. У нее был халат из светло-зеленой фланелевой ткани, весь покрытый рисунками в виде причудливых огурцов, издалека походящих на ящериц или драконов. Она почему-то стала одним из этих огурцов с халата, которых Алеша так боялся, когда был совсем маленький. Они ему казались какими-то чудовищами, которые вот-вот спорхнут с фланелевой ткани и налетят на него. В семье недоумевали, почему Алеша при виде бабушки всегда плачет. За это бабушка его и «недолюбливала», демонстративно предпочитая младшую сестренку Веру, к которой на самом деле ее душа лежала еще меньше. А Иннокентий Палыч в Алешином сне стал неопрятной серо-черной букашкой, которая издалека казалась похожей на завитушки, усеивавшие его рубашку в момент их встречи на пруду. Чем закончилась эта битва, Алеша так и не узнал. Первый сон сменился другим, в котором Иннокентий Палыч сидел на кухне своей холостяцкой квартиры, пил водку и говорил:

– Как я одинок... Как я одинок... Ты даже не представляешь!

Алеша сидел рядом на табуретке, и его ноги свободно болтались, не доставая до убогого плиточного пола, по которому

только что прополз, шевеля усами, большой рыжий таракан. Алеша в страхе отдернул ногу, которая была ближе к полу. По ней от омерзения пробежали мурашки. Иннокентий Палыч заметил это и сказал:

– Они не кусаются, чистюля! С ними хоть не так грустно. Я их люблю, это единственные мои друзья. Мне для них ничего не жалко!

Кинув толстый кусок колбасы на пол, он потянулся к бутылке и налил себе в граненый стакан еще водки. Пахло спиртом, как в больнице...

Конец октября принес первые холода. Алеша простудился, у него поднялась температура, и мама заставила его лежать в постели со спиртовым компрессом на лбу, который пах так же, как Иннокентий Палыч из его сна.

Поправившись, Алеша в первый же день по возвращении из школы наткнулся на Иннокентия Палыча. Он стоял, облокотившись о черную чугунную ограду около Патриаршего пруда, и смотрел куда-то вдаль. Была отвратительная погода, как говорила бабушка, но все равно Алеше она нравилась, потому что навевала какую-то сонную и неземную мечтательность. Иннокентий Палыч не узнал Алешу – так он был закутан заботливой мамой под чутким руководством Анастасии Сергеевны.

– Иннокентий Палыч!, – звонко позвал он, – это я, Алеша,

помните?

Фигура у пруда пришла в движение, резко дернулась, словно очнулась от глубокого сна. Алеша немного напугался и даже пожалел, что окликнул его. Но через мгновение лицо расплылось в знакомой улыбке. – А, вот кто это, оказывается! Тебя прямо не узнать! Кто это тебя так закутал? Бабушка?

Алеша сам не помнил, как послушно пошел за Иннокентием Палычем по каким-то улицам; все они терялись в сплошном мороке, в тумане его веселой болтовни. Никогда в жизни Алеша не чувствовал себя так хорошо. Он забыл про непогоду и свой дом, в который совсем не хотелось идти. Они заходили в странные места, где горел приглушенный свет, стояли столики, накрытые красно-черными скатертями с грязно-белой бахромой. В этих заведениях с Иннокентием Палычем все обходились подчеркнуто вежливо, даже льстиво, словно он был их покровителем. По крайней мере, его здесь явно знали и уважали. Алеше везде перепала какая-нибудь диковинная сладость с не менее чудным названием. Он не замечал, как давно стемнело, а все смотрел, улыбаясь, на Иннокентия Палыча и его друзей, и на гипнотизирующую красную жидкость в фужере, которая сверкала прекрасной и хрупкой тайной и пахла гораздо лучше спирта. Ему дали попробовать маленький глоточек, и голова приятно закружилась. Алеша думал, что вот-вот упадет. Но он не

падал, а лишь все глубже погружался в сон наяву.

– Мальчик мой, нам ведь давно с тобой пора, – озабоченный голос Иннокентия Палыча ворвался в идиллию и мигом ее разрушил.

– Ой, что нам с тобой за это будет, – испуганно прибавил он, когда они подходили к Алешину дому. Алеша расстроился от этих слов, но Иннокентий Палыч успокоил его своей улыбкой и взял под локоть.

И правда, все получилось так, как он предсказывал. У дома они встретили бабушку, маму и папу с каменными лицами, как у тех статуй, что Алеша когда-то видел на экскурсии в каком-то музее. Папа кинулся к Иннокентию Палычу, Алеша услышал звук удара и падения тела – это его спутник повалился на землю, словно тяжелый мешок.

– Не смей его трогать, изверг, – вдруг услышал свой голос Алеша. Отец замахнулся было и на него, но мать обхватила сына и зашипела, как гусыня:

– Хватит уже кулаками махать!

Подбежала бабушка, грозно и строго спросила:

– Алеша, что он с тобой делал?

Ее голос заглушила сирена милиции, и вскоре сама машина подъехала к ним, светя фарами в снежной темноте. Милиционеры поговорили с бабушкой, потом погрузили все еще не очнувшегося Иннокентия Палыча на заднее сиденье УАЗа и уехали.

Прошло двадцать пять лет. Бабушка умерла, СССР распался, квартиру на Патриарших Алешина семья продала и на вырученные деньги купила две «двушки» в Свиблово и Алтуфьево. В одной стала жить Вера с мужем и дочкой, в другой – папа, мама и Алеша, который писал стихи и рисовал причудливые картины. Ни то, ни другое дохода почти не приносило, скорее, вовлекало семью в лишние расходы. К тому же Алеша стал спиваться. А когда спился окончательно, родители стали прогонять его к «его дружкам». Хотя никаких «дружков», собутыльников у Алеши не было. Жил он нелюдимо, тихим девственником, и пил тоже один. За эту тихость и незащищенность родители Алешу просто возненавидели. Они, будучи по натуре людьми деятельными и страстными, просто физически не могли жить с таким человеком.

– И в кого он такой?, – изумлялся отец.

– Известно в кого, в деда Георгия, – отвечала мама. – Тот тоже таким вот точно был – как юродивый. Чего-то бормотал там все, в своем уголке. Вот позор-то был...

– И... что с ним стало?

– Да то... Мать в психушку отдала. Потом век не могла себе простить. Так и осталась на всю жизнь соломенной вдовой.

– Вот те на, что узнается на тридцатом году совместной жизни, – удивленно проговорил отец. Но быстро забыл об этом: нужно было много работать, времена были тяжелые,

сплошные кардинальные изменения.

Алеша не винил родителей. Те же надеялись, что он образумится, придет обратно, попросит прощения. Станет, наконец, нормальным человеком. Но Алеша, выйдя из квартиры, понял, что больше не вернется. Он не злился и не обижался – он вообще был крайне незлобив. Никто с тех пор, как он назвал папу извергом из-за Иннокентия Палыча, не слышал от него ни одного плохого слова. Алеша запахнул старое пальто и пошел по городу, который заметало снегом. Он добрался до любимых Патриарших к концу дня, когда совсем стемнело и улицы были пустынные. Патрички стояли укутанные снегом и казались каким-то неживым, картонным фантомом, словно вырезанные из детской аппликации. Алеша сразу нашел подъезд того дома, где он раньше жил. Попробовал открыть дверь – она оказалась не запертой. Зашел. Поднялся на лифте, вышел, и – вот она, их квартира. Когда-то их квартира. Позвонил в дверь. Все было как во сне. Ему открыла незнакомая, очень сосредоточенная и хмурая женщина. Алеша думал, что она его обругает и прогонит. Но, увидев его, она расплылась в улыбке и очень приветливо сказала:

– Проходите, Алеша, мы вас уже заждались!

Алеша удивился, но прошел. Ничего в квартире с тех пор, как они переехали, не изменилось. Везде царила увядающая, наивная и претенциозная советская роскошь середины семи-

десятых: гордый польский гарнитур в большой комнате, сервант с переливающимися, словно сокровища Сьерра-Мадре, хрустальными бокалами, слепящий невыносимой позолотой гэдээровский сервиз «Мадонна», так и стоящий на самом почетном месте, тяжелые кремовые портьеры, ходящие чинными волнами, если их потрогать... Все было так знакомо. Каждая вещь, по которой скользил Алешин взгляд, больно и сладко отзывалась в душе. На кухне он увидел свою бабушку, Анастасию Сергеевну, сидящую в кресле-качалке, а рядом с ней – ее мужа, деда Георгия, который растерянно и от души улыбался ему своей беспомощной и виноватой улыбкой. Глаза его при этом были безумные и дремучие. Алеша никогда его не видел и мало что о нем знал, но сразу понял, что это он.

– Ну вот, наконец-то! Скорее снимай пальто и садись, ешь. Замерз небось? Чаю горячего надо. И никакой водки, – строго, но тепло сказала бабушка. Они сидели и разговаривали друг с другом, как старые приятели. Потом в дверь раздался еще один звонок, и опять та женщина, что впустила Алешу, вскочила и побежала открывать. На пороге появился Иннокентий Палыч. Алеша весь обмяк, подумав, что сейчас разразится второй ужасный скандал. Но бабушка словно и не замечала гостя, стоявшего на пороге. Вдруг она сказала:

– Ну, Алеша, тебе пора, иди уже! А то поздно будет!

Алеша покорно встал и пошел к двери. Он все никак не мог понять, почему бабушка так безразлично отнеслась к ви-

зиту Иннокентия Палыча. Или она правда его не видела? Но почему? Озадаченный, Алеша проследовал за своим вновь обретенным наставником. Он был рад и испуган. Столько лет они не виделись, и вот на тебе, словно не было этой четверти века...

Они вышли на улицу, которую всю уже замело снегом. Алеше, как тогда в детстве, когда он впервые встретил Иннокентия Палыча, эта встреча на секунду показалась странной и даже опасной, таящей какую-то смутную угрозу. Но через мгновение знакомый ласковый баритон растопил лед тревоги в его сердце. Алеша словно растаял изнутри, ему стало необыкновенно хорошо и легко.

– Как покойнику, – вслух прокомментировал он с некоторой тревожностью. Но тревога тотчас же отступила под напором другого чувства – какого-то далекого и сладкого воспоминания, которого он не мог припомнить. Ему казалось, что он тонет в зыбком и прекрасном тумане, что напустил этот голос. В мерцающем сознании Алеши Иннокентий Палыч превратился в сирену, которая пела свою бесконечную песню, аккомпанируя себе на золотой лире. И у него не было ни сил, ни малейшего желания заткнуть уши воском, как Одиссей.

Алеша понял, чего все эти годы ему так не хватало, чего он так отчаянно искал и нигде не мог найти. Ему не хва-

тало этого голоса, этого журавлиного пения, от которого он так сладко таял, которое убаюкивало его и вводило в транс. Алеше вдруг захотелось упасть лицом в чудный белый снег, в этот огромный свежий сугроб, который только-только намело, и зарыться в него всему. Он так и сделал. Иннокентия Палыча он больше не видел. Зато слышал, как он что-то ему рассказывает, или поет, – Алеша уже не мог различать. Ему было светло и радостно от звуков этого голоса. Он уже не понимал отдельных слов, но голос все журчал и журчал над ним, все курлыкал и курлыкал. Сначала он был совсем близко, у самого уха. Потом стал постепенно отдаляться.

Курлыкающий голос доносился теперь откуда-то далеко, он словно падал с неба, так же мягко и неслышно, как снег. Алеша совсем обмяк в своем новом убежище, отяжелевшем под грузом его тела и понемногу тающем от пара горячего дыхания. Он уже не помнил себя, не помнил никого и ничего, а только глубже зарывался, проваливался с легким хрустом в эту бездонную нору, все плотнее заворачивался в белоснежный саван. А Иннокентий Палыч откуда-то сверху все курлыкал и журчал:

– Спокойной ночи, Алешенька! Хороших снов!